

Павел Анненков

**Художник и простой человек.
Из воспоминаний об А.
Ф. Писемском**

Литературные воспоминания

Павел Анненков

**Художник и простой человек. Из
воспоминаний об А.Ф. Писемском**

«Public Domain»

1882

Анненков П. В.

Художник и простой человек. Из воспоминаний об А.Ф. Писемском / П. В. Анненков — «Public Domain», 1882 — (Литературные воспоминания)

Анненков писал свой очерк-воспоминание о Писемском в конце 1881 – в самом начале 1882 г., то есть вскоре же после смерти писателя (январь 1881 г.), и называл этот очерк «пространным некрологом». Мемуарист располагал богатым биографическим материалом, собранным к тому времени женой и сыном писателя, но мало использовал его. В письме к Е. П. Писемской от 28 октября 1881 г. он подчеркивал, что пишет не биографию, а именно воспоминания и ставит своей целью «определить с некоторой достоверностью нравственные качества» А. Ф. Писемского, «те богатства души, мысли и таланта, которые лежали в основе его природы»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Васильевич Анненков

Художник и простой человек. Из воспоминаний об А.Ф. Писемском

I

Зиму 1849/50 года мне пришлось прожить в одном из губернских городов нашего Поволжья. Время было довольно неопределенное. Только что прогремела революция 1848 года в Париже, подымая за собой народные массы в большей части европейских столиц – в Берлине, Вене, Неаполе и др. и неожиданно обнаруживая, как много существовало в них, под покровом обманчивой тишины и внешнего благочиния, недовольства порядками жизни и политических страстей. Ничего подобного у нас не встречалось. Наша тишина была неподдельная, испытанная. Начиная с богатейшего земельного собственника и через весь ряд именитого и заурядного чиновничества до последнего торгаша на улице, все в один голос гордились и радовались тому, что политические бури и ураганы никогда не досягают и никогда не достигнут, по всем вероятностям, наших пределов. Нашлись, однако же, мудрецы, которым было мало этого. Относя спокойствие государства и общества к действию одного крепостного права, которое они поэтому и возвели в непререкаемый догмат русской жизни, мудрецы еще думали, что к выражениям народного патриотического настроения должно относиться дружелюбно, но действовать так, как будто его вовсе и не оказывалось. Ведь нельзя же, говорили они, полагать, что волны европейских событий никогда не докатятся до нас и не подроят где-нибудь втихомолку основ, на которых построена наша жизнь. Правильно понятый патриотизм обязан искать таких опасных подземных течений и благодарить тех, которые их открывают.

Результаты теории известны. Кроме всего прочего, явились подозрительные отношения к науке, враждебное настроение против утопистов, идеалистов, ученых, расплодившихся без меры и без ведома правительства под сению университетов. Цензура печати наравне с цензурой нравов и убеждений отданы были на произвол всем «ведомствам» и всем частным лицам, которые обнаружили бы к ней охоту и способности¹.

Так продолжалось до конца Крымской кампании, когда возникло движение, возвестившее наступление нового общественного периода. В этот грозный промежуток времени замолкли и так называемые деятели сороковых годов. Почти все они состояли еще налицо и находились в цветущей поре сил; но у них отобраны были, впредь до дальнейших распоряжений, их научные основы и предложено заменить их покамест другими, поправленными согласно требованиям эпохи. Образовалась умственная пустота в общественной жизни, прерываемая обычным появлением журналов, со страниц которых несли какой-то смутный говор, ряд мнений и положений, словно переряженных или нарочно искаленных для того, чтобы они не походили на дельные мнения и положения и не могли ввести читателей в искушение остановиться на них и посвятить им свое внимание.

В эту пору перерыва умственной жизни общества послышались голоса из органа М. П. Погодина и славянофилов, «Москвитянина», которые, при господствовавшем молчании, показались знаменем времени, как бы указывавшим на скорое появление новых сил и литературных задач. Вокруг журнала, и, кажется, без особенных стараний редактора, образовалась группа молодых писателей, имевшая своих критиков, этнографов, философов, беллетристов

¹ См. более подробный и откровенный рассказ Анненкова о разгуле в это время правительственной реакции в России в его очерке «Две зимы в провинции и деревне».

и драматургов, которую петербургские их собраты приняли первоначально за отрождение славянофильства, благодаря тому, что группа выказывала если не враждебность, то полное равнодушие к предшествующей публицистической деятельности западного кружка и искала других основ для развития, чем он. Писатели, составлявшие группу, обратились за источниками художественных вдохновений и за устройством своего созерцания к верованиям и бытовым привычкам народных масс. Не мудрено, что эти новые народолюбцы подали повод к недоразумениям; дороги, ими открываемые, близко шли около тропинок, пробитых прежде того славянофилами. Смешать их с последними было очень легко по общности вопросов, затрогиваемых обоими; но существовала большая разница в их способах понимать народную культуру и относиться к ней. Члены нового кружка, почти все без исключения, обладали значительным критическим чутьем, и это помогало им различать несостоятельность некоторых сторон русской жизни, хотя бы и выращенных веками и носящих на себе печать самой почтенной древности. Исконные славянофилы постоянно избегали всех таких разоблачений. Другое отличие школы от ее первообразов заключалось в убеждении, что указания западной науки должны еще способствовать к очищению и к укреплению русской народности на ее родной почве, — положение, неохотно допускаемое коренными славянофилами, которые видели в нем признак скрытного отщепенства. Обе партии связывались только одним общим чувством не расположения к отрицанию важности народного быта, к абстрактному философствованию в области критики и публицистики, чем, по их мнению, отличался весь прошлый петербургский литературный период. Но и тут существовали еще между ними значительные оттенки в мнениях. Так, озлобленные выходки тогдашнего «Москвитянина» против петербургских либералов, которых уже вовсе и не было, далеко не выражали всех взглядов и убеждений молодых сотрудников журнала; но редактор, кажется, с ними никогда и не справлялся для подобных заявлений. Как бы то ни было, московский кружок новых деятелей составлял замечательное явление даже и по количеству весьма талантливых людей, к нему пристроившихся. Он числил в своих рядах, между другими менее известными именами, еще А. Григорьева, Т. Филиппова, Эдельсона, Алмазова, А. Потехина, наконец А. Н. Островского и А. Ф. Писемского². На последнем мы и остановимся.

Хорошо помню впечатление, произведенное на меня, в глуши провинциального города, — который если и занимался политикой и литературой, то единственно сплетнической их историей, — первыми рассказами Писемского «Тюфяк» (1850) и «Брак по страсти» (1851) в «Москвитянине». Какой веселостью, каким обилием комических мотивов они отличались и притом без претензий на какой-либо скороспелый вывод из уморительных типов и характеров, этими рассказами выводимых. Тут была прямо в глаза русская мещанская жизнь, вышедшая на божий свет, торжествующая и как бы гордящаяся своей открытой дикостью, своим самостоятельным безобразием. Комизм этих картин возникал не из сличения их с каким-либо учением или идеалом, а из того чувства довольства собой, какое обнаруживали все нелепые их герои в среде бессмыслиц и невероятной распущенности. Смех, вызываемый рассказами Писемского, не походил на смех, возбуждаемый произведениями Гоголя, хотя, как видно из автобиографии нашего автора, именно от Гоголя и отродился. Смех Писемского ни на что не намекал, кроме забавной пошлости выводимых субъектов, и чувствовать в нем что-либо похожее на «затаенные слезы» не представлялось никакой возможности. Наоборот, это была веселость, так сказать, чисто физиологического свойства, то есть самая редкая у новейших писателей, та, которой отлича-

² Анненков называет здесь состав так называемой «молодой редакции» «Москвитянина», объединения временного, во многом случайного и крайне расплывчатого в идейно-творческом отношении. Мемуарист идеализирует роль и значение этого объединения, замалчивает откровенно реакционные черты в его деятельности — и пропаганду идей «чистого искусства», и проповедь «народности» в славянофильском духе, и апологию под видом «нового слова» слабых, мелодраматических и идиллических сторон в произведениях Островского, Потехина и того же Писемского.

ются, например, древние комедии римлян, средневековые фарсы и наши простонародные переделки разных площадных шуток³.

Некоторые из мыслящих людей эпохи долго даже и не могли примириться с этой веселостью; им все казалось, что восторги перед голым комизмом изображений однородны с восторгами толпы на площади, когда ей показывают балаганного петрушку с горбом на спине и другими физическими уродливостями. Так, весьма требовательный и весьма зоркий литературный критик, В. П. Боткин, говорил еще несколько позднее, что он не может сочувствовать писателю, который, при несомненном таланте, не обнаруживает никаких принципов и не кладет никакой мысли в основу своих произведений. Вскоре, однако ж, упреки эти умолкли и уступили место другим, противоположного характера. Писемский нажил себе таки в Петербурге *тенденцию*; а строгий его ценитель пришел в недоумение, когда наступило у нас полное господство *обличительной* литературы, породившее множество произведений весьма грубого облика, хотя и задуманных иногда с очень благонамеренными целями и задачами.

Когда я вернулся в Петербург в конце 1851 года, там уже говорили о том, что Писемский приобретен редакциями петербургских журналов в участники и сотрудники. Это было только наполовину правда, но все-таки составляло интересную новинку. В то время всеобщего затишья и отсутствия общественных интересов всякая мелочь и рябь на поверхности литературы обращали на себя внимание. Писемский давно уже питал намерение бросить службу, на которой состоял в Костроме, – ассессором губернского правления. Успех его рассказов заставил его подумать о более широкой арене деятельности и о переселении в которую-либо из наших столиц. Все симпатии его были на стороне Москвы, где началась его литературная карьера и где он имел много друзей; но практический его ум подсказал ему мысль, что в Москве приобретает почётное имя, но только в Петербурге завоевывается твердое общественное положение. Писемский завязал отношения с одним из редакторов «Современника», И. И. Панаевым, и послал в журнал свой роман «Богатый жених» (1851). Можно пожалеть, что письма этого нового сотрудника журнала к Панаеву остались не опубликованными: корреспондент, помнится, сообщал в них сведения о вкусах провинциальной публики и о том, чего она искала в то время и какие статьи останавливали ее внимание. Ныне это было бы любопытным этнографическим документом⁴.

Между прочим, в Петербурге уже давно поджидали Писемского, но осторожный автор «Тюфяка» явился на берегах Невы только в 1853 году⁵, и появлению этому еще предшествовало заметное изменение в отношениях «Современника» к новому московскому кружку, собравшемуся под знаменем «Москвитянина».

Факт этот имеет некоторого рода значение как в биографии Писемского, так и в биографии другого деятеля, А. Н. Островского. Надо сказать, что оба главные органа петербургской журналистики, «Отечественные записки» и «Современник», старательно поддерживали, после смерти Белинского, полемику с славянофилами, не давая совершенно погаснуть огоньку, который некогда освещал так ярко положение литературных партий и помогал скрытному обмену политических идей между ними. Известно, что Белинский к концу своего поприща склонялся признать разумность некоторых положений своих противников, но продолжатели его не хотели

³ Анненков жил в это время в Симбирске. Повесть Писемского «Тюфяк» (второе из напечатанных его произведений) была опубликована в октябрьском и ноябрьском номерах «Москвитянина» за 1850 г. Повесть «Сергей Петрович Хозаров и Мари Ступицына. Брак по страсти» – в февральском – апрельском номерах того же журнала за 1851 г.

⁴ Письма Писемского к И. И. Панаеву, которые имеет здесь в виду Анненков, до сих пор не обнаружены. Интересов провинциальной читающей публики Писемский касался и в своей переписке с Некрасовым (см., например, его письмо к Некрасову от октября 1854 г. по поводу успеха «Фанфарона» – «А. Ф. Писемский. Материалы и исследования». М. – Л. 1936, стр. 78–79). Знакомство Писемского с Панаевым состоялось, очевидно, в начале 1851 г., когда Писемский приезжал из Костромы в Москву. Роман «Богатый жених» стал публиковаться в «Современнике» в 1851 г. с октябрьской книжки и печатался вплоть до майского номера 1852 г.

⁵ Неточно: Писемский переехал на жительство в Петербург в конце 1854 г.

и слышать о каких-либо уступках. По-своему они были правы. При том гнете, который лежал на печати, единственная возможность заявить себя бодрым еще и действующим организмом заключалась для журналистики в возобновлении старой литературной полемики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.